

МИСТИКА НА ВОЙНЕ

Евгений Франк

МАЛЫЕ ТОПЫРИ

12+

Евгений Франк

Малые Топыри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67648553

SelfPub; 2022

Аннотация

Мужчина с сыном приезжают в деревню проведать пожилого деда. Дед по традиции решает рассказать молодым фронтовую байку. Правда, речь в ней пойдёт не о грандиозных битвах и сражениях, а о странном, никому неизвестном местечке в районе Малых Топырей...

Евгений Франк

Малые Топыри

– Так в каком году, говоришь, было?

– Летом сорок второго. То ли август был, то ли июль...

Мы тогда в районе Сиротинской стояли, в составе Сталинградского фронта. Гордов как раз командовал. Его потом на Ерёменко сменили. Через Сиротинскую шестая армия Паулюса на Сталинград шла. Но, взять не смогла, как ты знаешь. В сорок третьем уже, там же, под Сталинградом, в плен взяли супчика. Верней, сам парламентёров прислал, с просьбой о сдаче. Ну да не о том история...

Сухой, но крепкий старик лет семидесяти, махнул рукой, подчеркивая абсолютною неважность Паулюса для разговора. С хрустом свинтил пробку с водочной бутылки. Наполнил две стоявшие на столе стопки, для себя и сидевшего напротив мужчины, который был лет на тридцать помладше.

– Ну, за встречу. Хорошо, что приехал. И сына привёз.

Чокнулись. Выпили. Мужчина подцепил с тарелки кусок ароматно пахнущего чесноком сала. Дед закусить не подумал.

Парень девятнадцати лет, сидевший за столом со старшими, только тоскливо вздохнул, уткнув нос в кружку с квасом.

За окном сгущалась ночь. Бились в стекло, привлекаемые светом стоящей на подоконнике керосинки, мотыльки. Лес

за опушкой чернел непроглядно, выделяясь зубчатой стеной еловых верхушек на фоне неба, в котором догорали последние сумерки. Скоро стемнеет совсем, и вовсе ничего не будет видно, кроме всё тех же, бешено носящихся мотыльков, выхватываемых светом лампы.

На улице теперь уже начало свежить, а в доме было тепло и уютно. Тихо потрескивали дрова в печи, которую расточительно топили с открытой дверцей и заслонками. Не для того, чтобы согреться, а именно ради этого потрескивания, пляски огня в жерле, и то угасающих, то вспыхивающих с новой силой, оранжевых отсветов на стенах. Ну и чтобы поджарить кровяную колбасу с луком, лениво ворчавшую в закопчённой чугунной сковородке.

На стареньком, но выглядевшем ещё добротнo, деревянном столе, горела пара свечей и керосинка. Электричества не было. В живом освещении дрожащих язычков пламени, неверные тени в деревенской избе, выглядели на редкость причудливо.

– Так что там в сорок втором, в Сиротинской? – подбодрил мужчина, заедая сало долькой лука, кончик которой он предварительно обмакнул в соль.

– В Сиротинской-то? Жарко там было, ох жарко. Там тогда Кочетковцы дрались. И другие из сороковой стояли на смерть на высоте у станицы. Страшные потери были. Мало кто оттуда живой ушёл. Но история, опять-таки, не о том...

– Да ты ж начнёшь уже или нет? – не выдержал собесед-

ник.

– Не торопи! Ишь какой молодой да шустрый. Лёшка! Сыми колбасу с огня, а то лук подгорит.

Мужчина в ответ лишь иронично усмехнулся. Младший же из компании, поднялся из-за стола, обмотал ручку сковороды полотенцем, и, установив ту на простую деревянную подставку, недоверчиво покосился на шкварчащую кровянку. И как это есть можно?

Дед тем временем снова наполнил стопки.

– Ну, будем, – прозвучал бесхитростный тост.

Чокнулись. Выпили. На этот раз дед наколол на вилку кусок обжигаяще горячей колбасы и, прожевав его, удивлённо спросил.

– С гречкой?

– С гречкой, – подтвердил мужчина.

– Уважаю. Ну, так вот, что там в Сиротинской-то... Что там в Сиротинской, я знаю только из сводок, потому как, по счастью, стояли мы всё ж северо-западнее, у Малых Топырей. А то бы, чай, не вернулся. Станица-то сколько раз из рук в руки переходила, там уж перекопали всё снарядами. Ховайся не ховайся, накроет, и костей не найдут. Ну, а на нас не так шибко пёрли. Да и брать у нас особо нечего было, ни удобной высоты для корректировки огня, ни важной дороги, ни какого объекта. Так, участок линии фронта. Надо ж его было кем-то заполнить, вот заполнили нами. Ну так, когда фриц понял, что по основному направлению удара ему

закрепиться на дадут, стал фланги щупать – тогда уже и нам досталось.

Начали, можно сказать, согласно учебнику. Выкатили на нейтральную полосу пару броневишков с пулеметами, на самый край. Построчили – посмотрели, чем ответим. У нас на тот момент на роту два бронебойщика было, да и рота, прямо скажем, не в полном составе. В общем, так себе ответ, но чем богаты. Шлёпнули несколько раз по броне из ружей, но не пробили, конечно, далековато для ПТР. Пугнули винтовками, дали из пулемёта. Ротный, Вадим Палыч, стал ругаться, мол, без приказа огонь открыли, сейчас срисуют пулемётные точки, и будут знать, куда в первую очередь бить. Приказал засесть в окопах и ответный огонь не открывать – ничего они нам не сделают. Ну, мы и не против были – сели на дно траншеи, закурили. Пули землю роют, за нейтралкой немецкие пулемёты грохочут, а мы сидим – разговариваем. Немцы постреляли ещё маленько, поняли, что никто на их приглашение больше не ответит, да оттянулись обратно к себе. Ну, сталбыть, теперь жди гостей.

Ротный написал записку в штаб батальона, так мол и так, ждём немцев на чай, ожидается техника, прошу доукомплектовать роту до штатного состава, прислать дополнительное усиление в виде ПТ-орудия, миномётного взвода, и чего-то там ещё... Отправил с посыльным. К вечеру посыльный вернулся вместе с полевой кухней и неполным стрелковым взводом. Сказал, что майор записку направил полковнику, а нам

вот пока снял в усиление взвод с другого участка. Больше ничем помочь не может. Вадим Палыч вздохнул, пополнение разместил. Поужинали, ну и стали ждать. Дозор-то выставили, пристроились вздремнуть, а всё не спится. Чуешь же – придут сегодня.

Ну и, к полуночи, загудели снова моторы на нейтралке. Ночь хмурая была. Ползут, фары не включают. Поближе ползут. Мы тоже не стреляем – ждём. Что толку в темноту палить? Минут через пять транспортёры заглохли. Дальше лезть бояться, знают, что с полукилометра ПТР им броню прошьёт. Полоснули очередь в сторону наших позиций, на пробу. Ротный шипит – не отвечать, пока пехоту не увидите. Молчим. А под ложечной знаете, уже сосёт, честно говоря... Ладони потеют. Знаешь, чего дальше-то будет.

Ещё несколько минут тягостной тишины. Шорох в траве со стороны противника. Кто-то крикнул: «Немцы!». Вспышка, одинокий выстрел трехлинейки. И в его сторону ответный. Ну, и тут уж понеслась. По вспышкам стали лупить наугад. Зашёлкал шмайсер, рядом над ухом загрохотал ДТ. Пустили осветительную ракету. Ещё одну. Вскоре уж несколько «светляков» взмыло в небо с обеих сторон. Поле осветилось мерцающим белым светом. Немцы оказались на расстоянии ста, а где и пятидесяти метров от наших окопов...

– Дед! А как вы их раньше не заметили-то, с полста метров?

Подал голос Алексей, до этого внимательно слушавший

рассказ, не забывая при этом под квас уменьшать количество колбасы на тарелке. Обычной. Остывавшая в сковороде кро-вянка его не интересовала.

– Да как-как? Привык в своём городе жить. Вот поди сей-час за порог, обойди дом с той стороны, где лампа из окна не светит, да скажи, много ли ты в десяти шагах от себя разгля-дишь. А нынче ещё ночь ясная... В общем, каб не выстре-лы, да не ракеты, вообще не поймёшь куда палить. Но тут-то палка о двух концах. Видишь ты вспышку – видят и твою. На винтовочные, правда, внимания меньше обращают, а вот как только застрочили «Максимы» – с вездеходов-то их быстро и прижали. Поди, сунься за пулемёт, когда по гнезду немец-кий «МГ» шьёт. Так что, пришлось полагаться на Дегтярёвы да ППШ. Ну, немцы тоже, не будь дураки, лёгкие пулемёты разложили на сошки, прямо в траве. А ихние твари знаешь, как режут? Что твоя коса траву. Над головой свистит, вы-сунуться боишься. Всё вокруг грохочет. Кто-то уже гранаты кидать начал – значит, враг близко. Капитан кричит: «Сей-час они вплотную подойдут, тогда пулемёты строчить пере-станут, чтоб по своим не попасть. Это наш шанс! Либо сей-час остановим, либо сдадим участок».

Политрук по траншее мечется, тоже орёт, что, мол, родина и партия верит, все как один, в едином порыве, не дадим супостату...

А пулемёты-то с той стороны и впрямь замолкать начали. Ротный пистолетом машет, надрывается:

– Ну, сынки, не подведи!

Ну, тут-то мы и показались. «В едином порыве». Плюнуло огнём все, что у нас было, практически в упор по немцам! Ну а там уж всё в ход пошло. И штыки, и сапёрные лопатки, и камень в кулаке, а когда и зубы... Плохая то ночка была, плохая.

Дед вздохнул, потянулся к бутылке, наполнил стопки в третий раз. Выпили. Молча посидели минуту.

– В общем, – продолжил старик рассказ, переведя дух, – Поутру мы половину состава роты, каковой у неё был с вечера, не досчитались. Но и немцы обломали зубы – рубеж мы им не отдали. По потерям так на так и вышло. Ротный сразу записку и посыльного в штаб. А сам оборону в порядок приводить. То, что от неё осталось.

Ну, с тех пор-то и началось. В батальоне нас уже всерьёз восприняли, усилили нормально, выделили взвод бронебойщиков и сорокопятку. Но и немцы видать обиделись знатно, потому как в следующий раз впереди пехоты шли уже танки. Лёгкие, правда, с двадцатимиллиметровками, но оно, знаешь, всяко мало приятного, когда эта дрянь над тобой землю роет. Снова та же песня – чуть живые, но отбросили.

На другой день гости не пришли, зато прислали подарков в виде артподготовки. Утюжили два дня. Я уж забыл, что такое голову поднимать. Вадим Палыч посыльного в штаб – а его снарядом, не успел ста шагов от окопа отбежать. Одна

воронка осталась. Ещё бойца послал – осколком убило. Послал и третьего – мы уж к тому моменту гадать стали, кто в какую очередь помрёт, нешта вся рота на гонцов изведётся. Но, нет, Еменчук сумел пробежать, видать заговорённый. Токмо не вернулся он. И ночь пришла – а новостей никаких. А пушки всё лупят, да лупят...

А как на другой день прекратили – так немцы на нас и накнулись. Ох, с душой. А у нас от роты человек пятьдесят. Пушка разбита, один Максим тоже повреждён. В порядке четыре ПТ ружья, а так больше по сути нам и угостить их серьёзным нечем. Ну, думаем, всё, значит, отвоевались. Стали на позиции делиться – кому где помирать. И тут ка-а-а жажнет. Да не по нам, по немцам! И так славно жажнуло, что и не надо лучше. А из лесочка в тылу смотрим – уже и подкрепление бежит. Как ждали.

Ну, оказалось, и в самом деле ждали. Их к нам направили, когда Еменчук доложил. Ну а командир ихний, как увидел, что нас обрабатывают почём зря, из леса решил не выходить. Говорит, толку то, что я сейчас свежих ребят через артиллерийские залпы к вашим окопам пошлю. Так и поляжет половина. И что тогда с того, что меня сюда отправили? Лучше подожду.

Ну, и стал ждать. И дополнительно миномётный взвод запросил из штаба, покуда время есть. Намекнув, что немец в нашем районе что-то интересное готовит. Штабные, на что уж жадные, но прислали.

В общем, как на нас немцы двинулись и до середины нейтралки дошли, тут-то по ним и стали шпарить. А главное, из леса-то чуть не целая рота бежит нам на выручку, практически в полном составе. Гости наши с таким положением сил оказались совершенно не согласны, а потому, поспешно свернув атаку, двинули назад. Ну а вечером возобновили артиллерийский обстрел.

И началась там такая мельница, знаете... То немцы нас причешут. То мы их. Там уже и инженерные войска прислали, растянули колючку, поставили ежи. И как-то так я через пару недель осознал, что от первоначального состава роты, которым мы на позиции встали, осталось человек десять, а все остальные – это те, кого раз за разом в пополнении присылали. И как задумался, сколько народу на этом пяточке погибло, так как-то жутко мне сделалось...

И главное, никакого движения нет. С других участков фронта новости приходят – там отступили, там отбили, продвинулись, село какое-нибудь освободили. А мы стоим на одном месте, и планомерно перемалываемся друг об друга. Нейтралка уж ни на что не похожа стала – её всю взрывами перепахало, и всюду между воронками мёртвые люди лежат. Ну, или то, что от них осталось. На колючке висят трупы. Своих-то мы из окопов убираем, а немцев, которые на поле валяются, кто полезет прибирать? Среди наших дураков нет, а ихние что-то не торопятся. А лето ж, жарко... Смердит это всё. Я уж не говорю о том, что смотреть туда – мало удоволь-

ствия. А смотреть приходится, по ту сторону враг. И в груди так щемит тоскливо, и в голове одна мысль – смерть. Сегодня они там лежат, завтра ты. Да и понятно, что иначе нельзя, нам-то отступить некуда. Если оставим линию, немчура сюда вклинится, и пойдёшь их потом выбей. А там, где рота побежала, там и батальон дрогнуть может, ну а уж с разгрома батальона и начинается гибель полка. Но это за нас понятно, а они-то чего прутся? Вот в самом деле, им здесь мёдом намазано умереть? А...

Махнув рукой, старик наполнил стопки по четвертому разу. Выпив, снова замолчал.

– Так, чего дальше-то было? – спросил его мужчина, после того, как дед уже пару минут просидел, глядя куда-то вдаль, сквозь него, и сквозь стену дома.

– А? Дальше? А дальше что было... Дальше как раз оно и было самое. Стоял я в ту ночь в дозоре. Гляжу на эту унылую картину, курю. По правую, левую руку – ещё дозорные. Михай за пулемётом дремлет. Звёзды светят, ночь лунная. Я так взгляд на небо поднял, пытаюсь какие созвездия отыскать. Все лучше, чем силуэты мертвецов на поле боя разглядывать. И тут слышу сбоку шёпот – немцы. Ну, думаю, здравствуйте, голубчики, пожаловали. И эту ночь не дали посидеть спокойно. Смотрю на поле – и впрямь идут. Да как идут! В полный рост, не скрываясь, как на показ – шагом. И сколько... Роты две, может больше. Разбудили ротного. Тот всех в

ружьё. Разогнал по позициям, стоим – ждём. Минуту ждём, две, пять... А эти-то всё ближе. И хоть бы один, стерва, пригнулся. Вадим Палыч выждал ещё немного, чтоб уж наверняка, а потом как рявкнет – «Огонь!».

Ну, мы и громыхнули. Застрочил Максим, затрещали автоматы. Поддержали их бодро винтовки. По всей линии окопов вспышки, как светопреставление. Над полем трассера летят. Взмыла в небо осветительная ракета, за ней вторая. И как-то все неправильно вдруг стало... Я даже не сразу понял. А может понял сразу, да только не сразу поверил. Немцы-то идут. Ну, то есть, совсем как шли. С шага не сбиваются, не падают, в ответ не стреляют. Да и шаг у них какой-то... Это сначала показалось, что шли медленно и бесстрашно, как на парад, пока они силуэтами во тьме были. А как осветило, мы увидели, что они не идут вовсе, а волочатся, как в полусне. И ствола никто в нашу сторону не поднимает. Оружие вроде и есть, а несут его, как будто забыли, зачем оно вообще нужно. Кто винтовку за ствол тащит. Кто так и несёт на плече, не думая снимать. Кто автомат за ремень по земле волочит, что твою машинку...

А мы стреляем. Только уж не так уверенно. Я на курок-то жму, а мне с каждым выстрелом все страшней. Потому что не падает ни один. Автомат рядом как поперхнулся и затих. А после ротный сам крикнул, чтобы Максим заткнулся. И винтовочные выстрелы всё реже, реже... Политрук орёт, мол, какого чёрта, командир, вели открыть огонь! Тот ему

огрызнулся что-то, последняя ракета заморгала в воздухе, и потухла. Стало темно. А эти идут всё. Вадим Палыч ракетницу-то зарядил, снова дал в небо. Через несколько секунд разгорелось. Он к биноклю прильнул, пытается рассмотреть, что происходит. Потом весь замер так, захрипел, будто сказать чего хочет, а не получается. И только политруку бинокль в руки тычет. Тот выхватил, ротного оттолкнул, давай смотреть. А потом засипел и сам... Попятился, в заднюю стенку траншеи упёрся. И то прижмёт бинокль к глазам, то опустит. Погрустнел и сержант наш, тоже видать чего-то разглядев. И лейтенант. Тут и мы уже кое-чего примечать начали. Немцы-то какие-то потрёпанные. Шинели рваные, у кого-то каска пробита... А кто-то вообще без каски, с пробитой головой... И такая тишина над окопами повисла. Все стоят, смотрят и молчат. А у немцев на той стороне нейтралки наоборот – оживление. Фонарики мелькают, костры зажглись. А эти всё прутся.

И вот до них уже те самые пятьдесят метров. Кто-то не выдержал – полоснул из ППШ. И за ним, как по команде, наши снова огонь открыли лавиной. Только стрельба уже какая-то истерическая. Политрук сам из пистолета садит, а что там с его пистолета толку? Там и Максим всю ленту выпустил как будто в молоко. Ни один немец даже не пошатнулся. И понимаем мы, что они и не живые вовсе. Точнее, поняли-то мы это уж давно, но до осознания оно только сейчас дошло...

– Дед, да ты брешешь, – невольно прошептал Лёха, уже

несколько минут сидящий в застывшей позе, с куском колбасы, подцепленным на вилку.

– Вот дать бы тебе ложкой по лбу, кабы под рукой была! – гаркнул старик, метнув грозный взгляд на парня, – Собака брешет, а я как было говорю! Слушай, когда те, кто больше твоего повидал, рассказывают, да не перебивай! О чём я?

Мужчина, сидевший напротив деда, воспользовавшись паузой, молча толкнул к нему свою стопку. Но тот, будто не заметив, продолжил рассказ с прерванного места.

– Так вот бишь, как мы, значит, осознали, что немцы-то мёртвые, тут уж не было никакого удержу. Ни ротный, ни политрук ничего бы сделать не смогли. Да они и не пытались. Кто-то первый выскочил из окопа, да побежал к лесу. А за ним уже вся рота двинулась. Минуты не прошло, а траншеи пустые. Только кое-где упавшая каска да забытая винтовка валяется.

А от немцев уж гул. Запустили моторы, наступают. Бегут по нейтралке радостно. А чего им не бежать? Молодцы, сгнали нас, ничего не скажешь. Мы как до леса добежали – тут уж командир всех собирать стал. Хорош, говорит, драпать, черти. Вышиб нас немец без единого выстрела, глянь, как веселится. Видать, то ли газ какой пустил, то ли ещё какую дрянь, а мы и поверили... Ну, теперь в контратаку нас первыми пошлют, как провинившихся. Здесь и поляжем.

Говорит, а сам в бинокль смотрит. Да и другие, у кого он есть, да кто не потерял по пути – тоже наши бывшие пози-

ции разглядывают. Да там и без бинокля видно, что происходит – эти, которые впереди шли, бредут сквозь траншеи, бесцельно, как морок. А их уж волна фрицев, которые со своих окопов в атаку пустились, догоняет... И тут как-то вдруг тональность криков немцев изменилась. Какие-то они стали не очень радостные. И вся вот эта волна, как до нашей линии докатилась, так и обратно откатываться начала. Причём ещё быстрее! Смотрю, а Вадим Палыч ржать начинает. Нервно так, аж трясётся. Глаз от бинокля не отрывает, а сам говорит сквозь этот дикий смех. Мол, соседи наши, как услышали стрельбу, видать решили, что нас какая-то их часть штурмует, без согласования. Ну, а как увидели, что мы из окопов повыскакивали, не мешкая пустились своим на помощь. Радуются, ликуют, несутся на всех порах. Всё, выбили красных с позиции! А потом они этих своих неожиданных помощников догнали. И увидели, что это им такое за подкрепление пришло. И чем-то оно им не понравилось, никак не меньше, чем нашим. Так что, ни один фриц в окопе дольше секунды не задержался. В том числе и мёртвые – они куда-то в сторону Топырей пошли, тем же порядком. Как будто и не надо были им вовсе эти окопы.

– А ну-ка, хлопцы! Давай-ка обратно на позиции, пока фриц не опомнился!

Ротный то крикнул, рукой махнул. А никто за ним не побежал. Кроме политрука. С живым-то немцем воевать дело не новое, но вот с мёртвым... Он же как ушёл, так и вернуть-

ся может. А пуля его никакая не берёт. Да и вообще непонятно, какого ему чёрта надо? А когда непонятно, что с тобой эта тварина сделать может – тогда страшной вдвойне...

Капитан, как понял, что практически один бежит, так и обмер. И не от страха главное, а как от обиды. Обернулся назад, стоит, на нас смотрит. И как будто каждому в глаза. Ну, говорит, сынки, такого я от вас не ожидал. Так значит родину защищаем? Показали нам немца с дырой во лбу, как будто не мы сами эту дыру там сделали, и всё – дальше, родина, можешь сама разбираться? Моя хата с краю, сожгут – не признаю? Ну, добре. Добре. Я один пойду.

Махнув рукой, командир так и пошёл к траншеям в одиночку, больше не оборачиваясь. А замполит остался. Завёл песню про партию, про трибунал, про штрафбат... Но его особо никто не слушал. И что-то так вдруг как-то стыдно стало. И как будто разом всем. И стыдно, и страшно. Мы потоптались ещё минуту на месте, а потом побрели вяло за капитаном, волоча за собой винтовки, что те немцы. И, вроде как, и ноги туда идти отказываются. А вот стыдно и всё тут. Сильней чем страшно.

Замполит с ротным той же ночью обсудили, что в докладе писать. И решили не писать ничего. Сойдясь на том, что всё это было массовым помешательством, в результате тяжёлой боевой обстановки. За распространение панических настроений на фронте никому же влетать не хочется. Так что, решили, что ничего не было.

Притихли и немцы. Накидали нам, правда, поутру, из пушек по позициям, но этим и ограничились.

А ночью снова та же пляска. Минуло за полночь – идут. Все те же самые. Вадим Палыч надрывается, кричит, чтоб никто с места не сходил. Мол, нас сегодня вчерашней песней не удивишь, стрелять в упор, колоть штыком, но чтоб из окопа ни шагу! Политрук там что-то своё орёт. А мы трясемся. Небо осветительные ракеты чертят. У соседей по ту сторону тоже огни – не спят, наблюдают. Мертвецы всё ближе. Попробовали пострелять ещё раз – без толку.

Ну, думаю, сейчас узнаем, фрицы, из чего вы сделаны. Один прямо на меня прёт. Я перехватил винтовку поудобнее – на в грудь со всего маху. А винтовка-то возьми и пройди насквозь. Совсем, вместе с руками. А потом сама эта тварь сквозь меня прошла. Тут-то я и умер... Ну, не совсем, конечно. На несколько секунд. Но знаете, ощущение такое было, как будто всю жизнь из меня вытянули. Дыхание отняли, сердце остановилось. Не слышу ничего. Смотрю, вроде как глазами вижу, что передо мной, а не понимаю. Рук, ног не чувствую. И так вдруг холодно стало и тоскливо. Не страшно, а именно тоскливо, до боли. Ты вроде и не ранен, а тебя пронзает как будто изнутри. И ничего на свете не хочется. И жить не хочется. Жить вот совсем не хочется, а при том понимаешь, что умрёшь, а никакого спасения не будет – вот так и останется с тобой это чувство навсегда...

У меня как сердце первый раз ударило, и я пошевелить-

ся смог, я на землю в траншею упал, калачикам свернулся и завыл. Завыл что было сил, всю боль, весь холод в этом вое из себя выдавливая. А потом, слух проясняться стал, и слышу – вокруг такой же вой. Жуткий, ужасный. Никогда такого слышать нельзя, чтобы две сотни человек так выли. И вот тогда мне уже страшно стало. Уткнул голову в земляную стенку, зажмурился, скулю. И вокруг всё так же – воет, хрипит, рыдает...

Никто к нам в ту ночь не пришёл больше. Ни мёртвые немцы, ни живые. Днём только снова накинули снарядов как по часам. И успокоились. Да я б на их месте тоже никуда не пошёл, если бы из вражьих окопов такое услышал. Ну, а в полночь, думаю, уже не надо рассказывать, что было. И так понятно.

И началась у нас с тех пор развесёлая жизнь. Днём немец долбит. Ночью эти приходят. В перерывах спишь. А нервы-то ни к чёрту.

К ротному посыльного из батальона прислали, спрашивают, почему не докладываешь. А он сам ни свой. Смотрит куда-то через бойца, что-то невпопад отвечает. Он-то уж трое суток вообще не спит – удерживает нас от того, чтобы разбежаться. А от мертвецов по ночам ему ни чем не легче нашего приходится.

Ну, тут замполит подключился. У этого силы ещё оставались. Сказал, мол, немец нам покоя не даёт, долбит артиллерией, устраивает ложные атаки, выматывает, диверсии по

ночам... Капитана уж ноги не держат от усталости, и вообще, всем бы нам в тыл – передохнуть.

Посыльный передал в штаб батальона. И тем же вечером прислали нам в усиление полный взвод.

Тьфу ты пропасть! И что с ними делать прикажете? Они-то ничего не знают. До самой ночи ротный с политруком их окучивали, насколько сил осталось. Рассказывали про немецкий газ, который на нервную систему воздействует. Просили ничему не удивляться, не бояться, не паниковать. И в другие подразделения не докладывать, чтобы не сеять панику среди бойцов.

Ну, а ночью эти тоже завыли. Но лейтенант у них оказался не дурак, как в себя пришёл – согласился с версией о газе, и в штаб ни гугу.

И вот, сидит наше управление роты полуживое. Курит. Думает, через сколько у людей окончательно нервы сдадут, и когда скрывать всё это станет невозможно. Ну, а там понятно – либо в санчасть, в качестве психически больных, либо в штрафбат, в качестве паникёров, подрывающих боеспособность части. Ну и второе, конечно, вернее.

И тут подходит к ним боец из пополнения. Якут. Как бишь его фамилия... А, не важно. И говорит этот якут:

– У вас тут, видимо, кладбище на нейтралке было.

– Ну, может и было, спасибо, очень ценная информация, – отвечают офицеры.

– Да нет, – говорит якут, – у вас тут мёртвые немцы ходят,

потому что было кладбище.

– Солдат, твоему отделению позицию определили? – спрашивает ротный, – Вот и...

– Погоди, – говорит замполит – Пуст расскажет.

И видя странный взгляд капитана, спрашивает у того:

– Ты в мёртвых немцев веришь?

– Я уже не знаю, во что я верю, – отвечает Вадим Палыч.

– Ну, а если не знаешь, то и давай послушаем. Хуже от этого точно уже не станет.

Ну, якут и высказал. Дескать, по его мнению, раньше тут было кладбище. Скорее всего, довольно старое. Потом, до войны ещё, его разровняли в луг. Но, земля-то от этого печать обрядового места не перестала. Ну, а как докатилась сюда линия фронта, и стали люди гинуть на этом пятачке, тут неладное и началось...

Наших-то ребят земля примет, тем более, что и тела мы сами ей предаём. А вот с немцами сложнее. Чужие они. Да мало, что чужие – враги. Легли бы где в другом месте, может и ладно, но тут, предкам нашим с ними лежать никакого удовольствия. Не принимают они их. Да и земля не принимает. И тела уж не первую неделю гниют. Да и немцам, в конце концов, самим домой хочется. Кто их знает, как кто сюда попал? Кто-то, может, убеждённый фашист. Офицеры, может, пропитаны насквозь превосходством арийской расы, и верят, что у них нет иного пути, кроме как завоевать власть над миром или умереть. А есть и те, кого поставили под ру-

жьё по призыву, и кто так и не понял, куда его отправили, и за что он погиб. А гибнет-то их на этой полосе всё больше. И чем больше их тут гибнет, тем сильнее их отторгает земля. Вот они и начали ходить неприкаянными. Сами не знают, зачем и почему... У них какой последний приказ был, наступать? Вот они его и выполняют в надежде, что может тогда всё закончиться. Шамана им надо. Чтобы проводил. И желательно подальше.

– Ну, ты хватил, – ответил политрук, – Где я тебе шамана-то возьму?

– Оставь Фёдор, – говорит капитан, – Мало нам было мёртвых фрицев, давайте ещё шамана приведём. А потом все дружно ударим в барабаны, или во что-нибудь там ещё, и с плясками пойдём на немцев, вдруг он испугаются. Хватит... Не создавай проблем больше, чем их есть.

– Палыч, я тебя, конечно, понимаю, только не понимаю. Я, политрук, вижу, что перед нами происходит откровенная чертовщина, а ты – предлагаешь оставить всё как есть. И что, ждать пока наши ребята, без всяких барабанов пустятся в пляс, хихикая и рыдая, когда окончательно лишатся рассудка? Хоть шаман, хоть Будда, если это поможет – пусть кого угодно ведут.

– Не обязательно прямо шамана, – снова встрял в разговор якут, – Это у нас – шаман, а подойдёт любой проводник. Тут даже священник будет лучше, потому как кладбище, скорее всего, православное.

– Ещё не легче. Попа в часть приволочь... Тебе, кстати, первому достанется, если вскроют, – это ротный – политруку.

– Кстати, о попах. Тут в деревеньке неподалёку есть один. Мы когда там на ночь останавливались – видели, – а это уже лейтенантик из пополнения оживился.

Политрук как узнал, потребовал на карте показать, и сказал, сейчас за ним пойдёт, может к обеду успеет вернуться. Ну, а если кто доложит – что ж поделать, ответит. Лучше уж он попадёт к особистам, чем больше двух сотен парней лишатся ума.

Капитан только рукой махнул. Делайте, говорит, что хотите. Откинулся на стенку блиндажа. Да тут же и уснул. Да как будто ещё раньше, чем затылок бревна коснулся. Будто, как только понял, что не может больше командовать, и предложить ничего более путного не сумеет, так его и выключили. А политрук, значит, взял карту, да все тихонько из блиндажа и вышли, чтоб не будить. Четвертые сутки человек без сна – всяким же силам предел бывает.

– А ты прямо всё это видел? – недоверчиво спросил мужчина у старика.

– И видел, и слышал! Я у входа стоял, в карауле. Перебивать взяли моду... – проворчал рассказчик, которого снова сбили с мысли.

Собеседник меж тем снова пододвинул к нему стакан. Но

дед явно потерял к водке интерес, так что мужчине ничего не оставалось, кроме как выпить в одиночестве.

– Так бишь... Пошёл политрук в деревню. Ну, поп и правда есть. Так знаете, как он его назвал? Батюшка! А вот тут уж не смей мне не верить, потому как мне это сама твоя мать рассказывала.

– Ты что, с мамой там познакомился? – мужчина едва не подавился огурцом, который взял на закуску.

– Ну а где? – хитро прищурился дед.

– И что не рассказывал? Мать-то сама это всё знает?

– Расскажешь вам всё... Вот рассказываю – слушай. А история не по женские уши. Про священника знает. Так, слухи какие слышала – шила в мешке не утаишь, наши, когда квартировали в тех метях, тоже языки за зубами не держали. Но я ей прямо ничего не говорил, так что, так, в общих чертах знает что у нас бесовщина какая-то творилась... Ладно, слушай, что говорю.

Политрук-то, значит, смирный пришёл до деревни, священника нашёл, и говорит:

– Здравствуйте, батюшка.

Тот фуражку-погоны увидел, побелел, посинел, ну всё, думает, сейчас меня и шлёпнут. После революции не повесили, так сейчас пулей наградят. А тот ему:

– Вы нам очень нужны.

Ну, священник сразу понял, зачем он им нужен. Думает, хорошо хоть не на глазах у баб да детей мозги выбьют. Ру-

ки за спину заложил, кивнул, говорит, ведите. Тут политрук спохватился, и извиняется, мол, вы меня неправильно поняли, я совсем по другому делу. Поп-то удивился. А как услышал, что немцев нужно отпеть – упёрся и ни в какую. Расстреливайте, говорит, а отпевать эту погонь не пойду после того, что они с людьми делали. В Холмовке шестьдесят человек сожгли живьём в амбаре. В Зяблино хромого паря, которого в призыв не взяли, задавили транспортёром, означив шпионом партизан. На железной дороге под Петровкой разбомбили налётом поезд с ранеными и беженцами. Только на днях отпевали да хоронили, а там народу было с две деревни! А он им должен о покое просить? Нет, говорит, не могу. Политрук уж его и так, и этак. И гражданским долгом, и личным. Вы ж, толкует, должны понимать, что отпеть – это ваша работа и обязанность. А там уж и без вас разберутся, кого, куда, как и за что.

Священник ему:

– Понимаю, а не могу. Хоть сейчас в лагерь, а с места не сдвинусь.

Ну, политрук тут помолчал, полминуты подумал, потом фуражку снял.

– Отец. Я ж, – говорит, – тебя не за немцев прошу, а за наших. Там больше двух сотен ребят, которые четвёртые сутки с ума сходит. Чертовщина там происходит, даже я, неверующий, понимаю, что это по твоей части. Отправь ты их... Куда им надо. Они ж покоя не дадут. А бойцов уже можно голыми

руками брать. Пойдёт фриц в атаку – они все там останутся. Вот это ты понимаешь?

– Это я... Понимаю...

Священник вздохнул, пожевал губами.

– Жди, – говорит, – через пять минут буду.

Ну, в общем, к обеду, как и обещал, обернулся политрук при слугителе культа. Капитан проснулся, холодной воды в лицо плеснул. Вроде как в себя пришел малость. Спрашивает:

– А что, если соседи наши с той стороны, возьми попа и шлёпни на нейтралке? Об этом вы подумали?

Собрали тому провожатого под белым флагом. Вылезли они из окопа, и пошли по нейтральной полосе. А рота вся смотрит затаив дыхание. Да и, честно говоря, не особо там и подышишь. Боец наш, одной рукой марлей на палке машет, другой нос рукавом гимнастёрки закрывает. Священник кадило разжёл, ходит не спеша по полю, читает литию. Та ещё работа.

На поле том, скажем прямо, плохо всё выглядело. Я много чего видел, но это – из худшего. И рад я был, что смотрю на это из траншеи, и большей части мне из-за взрытой снарядами земли не видно. А вот ходить прям там, и не в атаку бежать, когда не видишь толком, что под ногами, а вот так, медленно через всё это... В общем, этого я б не хотел.

Со стороны немцев было всё тихо. Видно, тоже наблюдали, но ничего не делали.

Священник наш, как закончил, вместе с провожатым спустился в окоп. Предложили ему до деревни проводить – нет, говорит, дождусь с вами ночи, вдруг чего. Ну, тут уж мы его убедили, что затея эта не очень. Как от батальона кто нагрывает – так ни нам, ни ему потом не поздоровится. Так что, лучше бы ему всё же на позициях особо не задерживаться. Пообещали, что кого-нибудь пришлём рассказать. Ну, поп от провожатых отказался, и двинулся в деревню один. А мы стали ждать ночи. И, что вы думаете?

– Ну, что? – нетерпеливо спросил Алёшка, так и сидевший со своим несчастным, не съеденным куском колбасы.

– А ничего. Тишина. Ничто на поле не шевельнулось. Никто никуда не пошёл. Хотя, мы всё одно только под утро заснули. Не верилось... Но, зато как заснули. За всю жизнь до того дня не спал я с таким удовольствием. И, главное, проснулся утром – хорошо. Солнце летнее светит. Тихо так. Небо над траншеей чистое-чистое. Птицы какие-то из леса поют. И как-то мне так спронея показалось, будто война кончилась. Ну, потом-то, конечно, немецкий снаряд, рванувший за окопами, меня из мечтаний-то вывел. Но, всё равно было хорошее утро, даже не смотря на артподготовку. Да и стреляли этот раз как-то не очень усердно. Как будто так, для остратки. Чтоб жизнь малиной не казалась. А до конца войны оставалось еще долгих три года...

Ну, а дальше сами знаете, что было. В сентябре нас переименовали в Донской фронт, который возглавил Рокоссов-

ский. До октября вели оборонительные бои, потом участвовали в наступлении на Волге. А в ноябре сорок второго началась операция «Уран». Но, это уж вы точно можете где угодно прочитать, чтобы я вам об этом рассказывал. А вот историю, которая произошла у Малых Топырей, нигде не читаете. Хех...

Старик усмехнулся в усы.

– Ладно, на двор пойду. Засиделся я с вами – светает.

Лёшка, дождавшись, пока дед выйдет, стряхнул с себя оцепенение, бросил, наконец, вилку на тарелку, и проговорил в полголоса:

– Пап, набрехал поди дед...

– Про мертвяков-то может и набрехал, – задумчиво согласился отец, – А про то, как он в войну с фрицами дрался – тут уж никто не оспорит. Ладно, помянули. Ехать надо...

Оба они, спустя несколько минут, вышли из избы во двор, где остановились у уже пару лет как осевшего могильного холмика с деревянным крестом.

– Ну, не скучай отец. Даст Бог – на будущий год свидимся.

Пристроив у холмика непочатую бутылку, мужчина бросил сыну ключи.

– Лёшка, ты за рулём!

– Это я уже понял, – без особо энтузиазма заметил парень, направляясь к машине.

Негромко хлопнула калитка. Заворчал двигатель старень-

кой нивы. И вскоре, двор дома у опушки леса, погрузился в полную тишину.